

ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ ФИЛОНА КМИТЫ-ЧЕРНОБЫЛЬСКОГО

Филон Кмита-Чернобыльский [ок. 1530 – ок. 1587] – заметный военно-политический деятель ВКЛ и Речи Посполитой в период Ливонской войны 1558 – 1582 гг. [1, с 111]. Упоминания о Кмите как участнике военных сражений на восточных рубежах ВКЛ и грабительских набегов на Смоленщину сохранили белорусско-литовские летописи. Так, по Баркулабовской летописи, с участием «пана Филона» «под Смоленском и Рославдем так места выжгли, волости, села попустошили». По сообщению Хроники Литовской и Жмойтской, «Филон Кмита, староста оршанский, маючи з собою люду рицарскаго, комонника, и пехоты, и козаков украинских 3000, волости Смоленские огнем и мечем зоевал, сел 2000 спалил и самое предместье Смоленское, а без наймнейшое шкоды люду своего з великими здобычами, стадами, вязнями до Орши вывел» [3, с. 119, 175-176]. В 1566 г. он был назначен оршанским старостой, в 1579 г. – воеводой смоленским, что позволяло, несмотря на номинальный характер должности (Смоленск остался в составе России), иметь место в Сенате Речи Посполитой.

В истории отечественной общественной мысли Кмита-Чернобыльский известен прежде всего как автор эпистолярных сочинений – «листов»-донесений, направляемых в 1573 – 1574 гг. из Орши в Вильно членам панам-рады ВКЛ. Наибольший интерес вызывают его письма к О. Воловичу. В донесениях Кмиты описывалась военно-политическая ситуация на восточных границах княжества, состояние дел в Московском государстве, политика и намерения русского царя Ивана Грозного, русско-татарские отношения и т.п. Источниками информации служили лазутчики («шпегги») из местного населения, дипломаты, купцы и резиденты в Москве, бежавшие в Речь Посполитую из-за опасений попасть под опалу представители русской знати. По существу, Филон является одним из первых документально известных организаторов приграничной разведки.

Особое внимание он уделял личности московского самодержца. Некоторые его сообщения использовались правыми кругами Речи Посполитой в пропагандистской работе, ориентированной на Западную Европу. Так, известно, что переданный Кмитой королю Сигизмунду II Августу рассказ о жестокостях Ивана Грозного лег в основу легучего листка на немецком языке «Wahrhaftige Neue Zeitung von grausamen Feindt der Christenheit dem Moscowiter...», распространяемого с целью обоснования правоты Ягеллонов в территориальных спорах с царем [6, с. 454-455].

Сам Кмита-Чернобыльский отмечает высокие качества Ивана Грозного как государственного деятеля своего времени. Называет его «Московский, тот прозорливый Аввакум» [4, с. 87], вспоминает библейский образ пресудомительного пророка времени Навуходоносора. В этой связи вызывает интерес рассказ Кмиты о приеме Грозным в 1571 г. посольства крымского хана. Посла Девлет Гирея царь встретил в скромной крестьянской одежде (бараньем шлыке) и на требование о выплате дани ответил, что «нечего дати», так как и без этого ограблен татарами. Со словами «видиш, в чом я тепер сежу и ничего не маю, а што маю, то посылаю», царь снял с себя бараний шлык и отдал послу. Посол объявил, что хан «будет гостем на лето» и вручил «нож голый» – знак, означавший объявление войны. Грозный, принимая вызов, с сарказмом отвечал: «обещаетса, де, ко мне на лето быть гостем, я, де, его жду и браги, де, дополна навару. А послал мне через тебе, посла своего, нож, а я ему посылаю топор» [4, с. 54-55]. Описание приема Иваном Грозным крымского посла – литературная мистификация. Выдаваемая за достоверное сообщение, она имеет характер «остросюжетной забавной новеллы» [2, с. 203]. Заметим, что русские источники в отношении данного эпизода поведения царя проявляют большую скромность. В 1571 г. Иван IV действительно принял крымских гонцов, передавших ему ханское послание и нож вместо обычных подарков. Когда гонцы потребовали у царя дань («выход»), тот будто бы «нарядился в сермягу, бусырь да в шубу боранью, и бояря. И послом отказал: «видишь де меня, в чем я? Так де меня царь (хан. – В.С.) зделал! Все де мое царство выпленил и казну пожег, дати де мне нечево царю!»» [5, с. 427-428].

В ряде писем Филон высказывается о негативных сторонах общественной и политической жизни Речи Посполитой, затрагивает острые социальные проблемы, противоречия в правящем сословии. В немалой степени это связано с внутриполитическим скандалом периода бескорольевья, в который был вовлечен сам Кмита. После избрания королем Речи Посполитой Генриха Валуа (1573) Иван Грозный обнародовал сведения о переговорах, которые велись ранее между ним и некоторыми сенаторами относительно избрания на трон Речи Посполитой его самого или царевича Федора. По-видимому, через Кмиту-Чернобыльского некоторые магнаты предлагали Грозному двинуть войска на Смоленск с целью силового подкрепления притязаний на трон Речи Посполитой. В переписке с Воловичем Кмита оправдывается и укоряет тех сенаторов, которые проявили неблагодарность к его государственной деятельности, пытаясь представить виновником сепаратных сношений с Московским государством [4, с. 67-72]. «То все было чинено через рады их милости самых и через послуги наши, – утверждает он. – Чинено было за ведомостью и розказанем

их м[илостей], голов наших» [4, с. 68]. Сам же Филон «о посланю сына з войском до Смоленска не писал» [4, с. 71]. И предупреждает, что если в его адрес будет выдвинуто обвинение в измене, то могут пострадать действительные инициаторы тех переговоров: «Если б – чего, боже, не дай! – за нещастем яким, с панов спадши, а на мне обурыло [обвинение], мусел бы и иншых чых скуры ремень при том быть» [4, с. 74].

В другом «Листе», используя в качестве повода бегство короля Генриха Валуа в Париж, Филон жестко критикует нравы высшего сословия: «Яковое справедливости? Богатому так, а убогому сак! Которого сумненя? – Кого кто не пекне через ногу! А лакомство? – Бо, де, весь бы свет роздал, душ польских и литовских не [на]сытит: все мило! А цюта всех справ? – Тая се, де, в них из ботов вызула! А вдячносте? – Дись о том добре мови, а ютро смердом, бенкартом зове! Всё кламство, всё лож, нет бога! Бий, забий, дери, лупи – то найлепший пан и то рыцер!» [4, с. 86]. Высказывает Кмита и усилившиеся в общественном сознании ВКЛ в середине XVI в. антипольские настроения: «Ино некоторые мовят: «Не дай бог ляху быть! Вырежет Литву, а Русь поготову!» Давно резать почали литвина... Большы будет жычлившы народу польскому, нижели своему!» [4, с. 87]. Они были связаны с Люблинской унией и отражали внутривнутриполитические, национально-культурные и религиозные противоречия в Речи Посполитой.

Во многих донесениях Кмита предстает как горячий патриот и защитник государственных интересов ВКЛ-Речи Посполитой: «в огонь полезти и душу свою дать за Реч Посполитую годится и пригоже бы» [4, с. 70]. Современную ему пограничную службу он сравнивает с подвигами былинных витязей Древней Руси: «Бо придет час, коли будет надобе Илии Муравленина... коли будет служб наших потреба!» [4, с. 89]. Интересно, что данный источник – первое письменное упоминание православного святого Ильи Муромца в восточнославянской литературе.

Одновременно Филон порицает пренебрежительное отношение правительства к задачам обеспечения безопасности восточных границ государства. Жалуется на недостаток средств для укрепления Оршанского замка, оплаты расходов курьеров и т.п. Сказывались, вероятно, и личные материальные проблемы. В апреле 1574 г. он обращается к панам-раде: «писал и завжды пишу о нендзы моей оршанской, прошу покорне, абы то в(аших) м(илостей) панов моих милостивых, не ображало, бо голодному смерть на уме, и в таком опатреннь лепшей ми ест умреть, нижли живу быть. А то ж вже, кому хочечи, оставляйте Оршу, а я уже до государа е(го) м(илости) еду. Большеи силы моей стать не може... Межи людей, а не на стороне згину» [4, с. 61-62].

Сочинения Кмиты-Чернобыльского выходят за рамки стиля деловых донесений, написаны публицистично, с использованием форм живого народного языка. «Листы» являются ценными историко-литературными документами своего времени, стояли у истоков исторической мемуаристики Беларуси.

Литература:

1. Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя: у 2 т. – Мінск, 2006. – Т. 2.
2. История белорусской дооктябрьской литературы. – Минск, 1977.
3. Полное собрание русских летописей. – М., 1975. – Т. 32.
4. Помнікі старажытнай беларускай пісьменнасці. – Мінск, 1975.
5. Скрынников Р.Г. Царство террора. – СПб., 1992.
6. Florilegium: K 60-letiu B.N. Flori. – М., 2000.